

Взаимоотношения религии и власти в России претерпевали колебания, но в трудные моменты истории Православная церковь была важнейшей поддержкой государственной системы, инструментом мирскую политику идеологией православия. Колокольный звон церковью гармонично вплелся в общую симфонию, добавляя в оркестр державы важную звуковую краску. Идеологией была даже не религия, но – вера. Возможно, лишь вера и Церковь удержали этнос от растворения в период монголо-татарского ига, тогда звучал набатный колокол. Религия сыграла важную партию в объединении русских земель Василием II и Иваном III, когда в XV-XVI веках реальная политическая сила некоторых крупных феодалов – противников укрепления великокняжеской власти – усилила центробежные тенденции.

О попечении бесных

Материальные ценности стали основой церковной власти, распространяющей свои полномочия во всех направлениях жизни государства. Церкви было предписано создание церковного суда, ставшего эффективным инструментом влияния на положение дел в стране, легитимирующего статус Церкви в её амбициях. Суд имел непосредственное отношение к медицине: разбирая все дела призываемых, больничные и лекарские. К этому времени Церкви было передано призрение больных, в том числе безумных. Уже с XI века сумасшедшие находили приют в монастырях. Больных направляли сюда не только для изоляции («дабы не быть помехой для здоровых»), но и для ухода, призрения, духовного лечения, вразумления («отчитки»). Монастырская медицина сложилась на Руси стихийно и была узаконена в 1551 г. на Церковном Соборе (судебник «Стоглав», составленный при Иване Грозном: статья о попечении больных и нищих, в том числе «бесных и лишённых разума»).

Аккумулировав крупные земельные владения и ценности, Церковь стала мощной силой. С её собственностью было связано большое число людей, живших в церковных угодьях. Церковная юрисдикция занималась преступлениями против нравственности и Церкви, бракоразводными делами, вопросами семейного права, субъектами которых могли быть представители всех социальных групп. Внутрицерковная деятельность регулировалась исключительно собственными правилами.

В эту эпоху появились оклады для икон, почти закрывающие изображение, демонстрирующие богатство золотого убора и инкрустаций драгоценными камнями. Сложилась система церковного администрирования. Интересы Церкви всё в большей мере лежали в пределах светских (мирских) институтов власти и обогащения. «Религиозная деятельность преимущественно определяется земными интересами, меньше – заботами о своей душе...» Аскеза духовности бедных обитателей былых эпох уступила место богатой влиятельной Церкви. В XV-XVI веках выросло число церковных братств и монастырских богаделен, в которых находились и психически больные, утратившие яркость патологической симптоматики; или слабоумные, нуждавшиеся в призрении и уходе.

Колокола звучали всё тише

В XVII веке в России сложились экономические предпосылки для перехода к новому укладу хозяйствования. Городское ремесло превращалось в мелкое товарное производство, появились казенные мануфактуры (пока незначительные), развивалась торговля, складывался всероссийский рынок. В 1649 г. был определен статус главы государства как самодержавного и наследного монарха. Впервые в светской кодификации предусматривалась ответственность за церковные преступления. Государство приняло на себя дела, прежде находившиеся в доле юридической компетенции Церкви, отныне ограниченной в своей юрисдикции.

Эпоха Петра I ознаменовалась выходом к морям, созданием регулярной армии и флота (колокола переливали на пушки,

перестройкой административного аппарата (уничтожение боярской думы, создание сената, Табель о рангах). Развивалась горнодобывающая промышленность, укрепилось купечество. «...в этот период... государство стремилось вмешиваться во все мелочи жизни, регламентируя их». Система правил устанавливала порядок, выгодный власти. Монарх был

Далёкое – близкое

От монастыря – к доллгаузу

Развитие психиатрической помощи в России неразрывно связано с Православной церковью

блюстителем всей законности, Церковь теряла преференции одну за другой. Государство стремилось административно и организационно подчинить её себе, сохранив в качестве идеологической опоры. В ноябре 1700 г. умер патриарх Андриан, и вскоре Пётр I назначил «Екзархом святейшего патриаршего престола, блюстителем и администратором» митрополита Рязанского Стефана (Яворского), нарушив нормы канонического права, по которым экзарх назначается патриархом. Духовенство неоднократно делало царю представления об определении главы Церкви.

В очередной раз, по свидетельству графа Бестужева, царь, разгневавшись, ударил себя в грудь и, обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх!» Место, отведённое Церкви Петром, было обозначено вполне недвусмысленно.

Далее пошли финансовые ограничения. Высочайший указ (24 января 1701 г.) повелевал «дом святейшего патриарха и дома же архиерейские и монастырские дела вестать боярину Мусину-Пушкину». Таким образом, вновь учреждался Монастырский приказ, постепенно секуляризовавший имущество Церкви: «...предпринято это было для того, чтобы сделать очередной шаг по лишению церкви участия в государственных делах, а также возможности дальнейшего обогащения». Усиливалось налоговое бремя Церкви: на белое духовенство возлагался специальный род тягла по содержанию чёрного духовенства, земли монастырей отводились в казну; был введён оброк за пользование угодьями; на священников, не имевших прихода, налагались особые денежные сборы; добились адмиралтейская и драгунская повинности.

Колокола звучали всё тише и тише. Была симфония взаимоотношений государства и Православной церкви закончилась. Отныне вступление в духовное сословие жёстко регламентировалось, на часть духовенства возлагалась подушная подать; священники призывались в военную службу; архиерейские домовые правления преобразовались в консистории, в штат которых были введены светские чиновники. Манифест 1764 г. (правление Екатерины II) уничтожил материальную независимость Церкви от государства: духовенство стало получать жалованье, а с 1791 г. – и пенсию из казны. Церковь лишилась около 800 тыс. крестьян, переведённых

в статус государственных; из 26 епархий на прежнем обеспечении осталось 3; из 954 монастырей – 385 (прочие были закрыты); на содержание церкви было отведено 20% доходов с прежних земель. В «Наказе» Екатерины II (1767) духовенство уже не упоминалось как особое сословие. Высказывалась даже идея об упразднении Синода и замене его на сугубо секулярный орган по делам церковного управления. Сокращалось влияние церковных судов: урезались их полномочия, а светские юридические принципы вытесняли церковные нормы. Многие правонарушения, касавшиеся Церкви, приравнивались к должностным и уголовным. Число священников регулировалось по аналогии с чиновничьим аппаратом. В 1773 г. была провозглашена свобода вероисповедания. Либеральная реформа предприняла антимонопольные меры, в результате чего

(хотя и без того, вопреки императорскому указу 1722 г., многих больных по-прежнему направляли в монастыри). Возникла коллизия экономического содержания: Церковь попыталась воспротивиться экономически невыгодному для неё указу, мотивируя это обстоятельство «79-м правилом святых апостолов», не допуская безумных к молитве, и недостатком средств. В связи с этим появился ряд указов, регламентирующих призрение психически больных монастырями. Указ 1742 г. гласил: «Так как Святейший синод, ссылаясь на то, что доходы по синодальному ведомству переданы в Коллегию экономики и он не имеет средств на пересылку безумных, отказывается принимать таковых, то Святейшему синоду приказано посылать в монастыри послушные приказы, а на содержание помешанных назначать оставшиеся

было изъято из монастырского ведения), а медицинский довод, заявив о том, что речь идёт о больных; следовательно, здесь должны применяться меры медицинского характера.

В 1766 г. Екатерина II повелела собрать в С.-Петербурге всех душевнобольных в полиции: «... ежели у кого в доме окажется... в безумие впавшие, а паче чинящие беспокойства и сумасбродные дела, или дерутся до беспамятства, или проказы чинят и тем могут кого от безумия своего умертвить или уязвить, таковых в тот же день представлять в главную полицию...» В результате психически больных в отделениях полиции оказалось так много, что актуальность создания специального ведомства – доллгауза, специального, не монастырского «дома для безумных», с регламентом и штатом – стала очевидной.

от штатного содержания монастырские порции».

В 1761 г. на прошении о приёме на монастырское призрение психически больных Пётр III начертал резолюцию: «Безумных не в монастыри отдавать, но построить на то нарочитый дом, как на то обыкновенно и в иностранных государствах учреждены доллгаузы». По дипломатическим каналам были приняты меры для получения «наставлений и чертежей... для подражания европейскому опыту».

В 1762 г. Екатерина II подтвердила распоряжение предшественника, адресовав документ Академии наук и дополнив его указанием: «...до устройства для них (психически больных) особого дома назначить имеющиеся покои при Новгородском, Зеленецком монастыре и Андреевском, что при Москве в Поленицах...» (последний в этом качестве просуществовал лишь 3 года). В эти монастыри принимались психически больные каторжники, помешанные дворяне из С.-Петербурга (Зеленецкий монастырь – в 50 км от Ладоги). В 1766 г. в качестве обители, предназначенной для призрения психически больных, была названа Спасо-Евфимиевская (Суздаль), чему сопутствовала реплика: «Сосланных в монастырь колодников содержать нескованными, караульным же поступать без употребления строгостей; поелику они люди, в уме повреждённые, то с ними обращаться с возможной по человечеству умеренностью». За содержание больных отвечал настоятель, назначаемый комендантом учреждения. Андреевский монастырь через 2 года был упразднён, а Спасо-Евфимиевская обитель функционировала в этом качестве более 100 лет. Фактически функция призрения сумасшедших осталась за монастырями, но теперь она осуществлялась уже по предписанию секулярных властей.

К смирительным домам

Рост фабрик и городов актуализировал проблему содержания и призрения психически больных. При Петре I было издано несколько указов, об организации психиатрической (в современной терминологии) службы. Первый из них (1721) предполагал создание «смирительных домов и госпиталей» в системе магистратов, то есть находящихся в светском подчинении. В 1722 г. вышел указ, запрещающий посылать сумасшедших в монастыри: «...сумасбродных и под видом изумления бывающих, каковые напред сего аки бы для исцеления посылались в монастыри, таковы отныне в монастыри не посылать». Но вне монастырских стен в России ещё не было никаких учреждений, предназначенных для призрения и лечения пациентов психиатрического профиля; система магистратов оказалась нежизнеспособной.

Следующий указ на эту тему появился спустя 5 лет после смерти Петра I и предписывал Синоду не чинить препятствий к приёму душевнобольных в монастыри, помещая их там «безотказно»

Изучением этого вопроса в Европе занялся академик Г.Ф. Миллер (1705-1780), в том же году представивший доклад на эту тему. Миллер предусмотрел не только внутреннее устройство и архитектуру, но и штат доллгауза, и трудотерапию для его пациентов. Учёный считал, что «лечить больных должен доктор, а священникам у них дела нет». Н.Н. Баженов писал: «Миллеру, академику и историографу по праву принадлежит звание – если не первого русского психиатра, то, во всяком случае, первого пионера на поприще организации призрения душевнобольных». Согласования и само строительство доллгауза заняли 13 лет. Первое учреждение психиатрического профиля в столице России было открыто в 1779 г. В Новгороде, Риге и Москве специализированные отделения открылись чуть раньше – в 1776 г.

При этом функции призрения с монастырей окончательно не снимались: указ от 1768 г. предписал им принимать помешанных не только по линии Тайной канцелярии, но и неимущих. Специфика психиатрической помощи тогда состояла в том, что в некоторых регионах (например, в Луцке Волынской губернии) в качестве медицинского персонала вначале служили исключительно монахи-шаритки (сёстры милосердия). В 1775 г. появились указы общественного призрения, которым надлежало заниматься проблемами душевнобольных. В 1776 г. был издан приказ об определении Максковского (Новгород-Северской епархии), Киево-Кирилловского (близ которого позже сформировалась знаменитая Павловская психиатрическая больница) и Межигорского монастырей для содержания безумных. Финансировало доллгаузы государство.

В течение нескольких десятилетий была изменена система, формировавшаяся столетиями. К 1802 г. в России было уже 18 сумасшедших домов. Монастыри участвовали в жизни психически больных до 1864 г. – до тех пор, пока указы общественного призрения душевнобольных не были полностью подчинены местным (светским) органам управления.

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментальной медицины.

Северный государственный
медицинский университет.

НА СНИМКЕ: Свято-Евфимиев монастырь в Суздале более 100 лет служил домом призрения для психически больных.